

Научная статья

УДК: 340

JEL: K00

DOI:10.17323/2072-8166.2024.3.4.31

Определения понятий в актах российского законодательства: pro et contra

Евгения Анатольевна Юртаева

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия 119571, Москва, просп. Вернадского, 84, yurtaeva-ea@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8923-0608>

Аннотация

В статье рассматривается опыт включения в тексты нормативных актов понятий и их определений. Автор обращается к анализу практики размещения перечней определений в актах российского законодательства в виде специальных (часто объемных) включений, посвященных понятиям, используемым в том или ином федеральном законе (или ином нормативном акте). Такие включения чаще всего образуют отдельную статью и снабжаются пояснениями о том, что предлагаемые понятия определяются для целей данного закона, или что предлагаемое в данной статье закона лексическое значение понятия следует принимать во внимание только если в тексте закона не установлено иное. Между тем безусловным требованием к формированию законодательного регулирования в отечественной практике правотворчества является то, что вводимые в законодательство понятия должны обслуживать весь его массив безотносительно к отраслевой или тематической принадлежности того или иного нормативного акта; относясь только к одному акту, такие определения придают законодательству неоправданную казуистичность. Определения понятий часто неудачны: они логически не завершены, в них отсутствуют указания на те из признаков определяемого понятия, которые имеют существенное значение и др. Анализ практики размещения в законах определений понятий позволил автору сделать вывод, что легальные определения не формулируют правил поведения, не создают моделей правомерной деятельности. Правильность построения нормативного регулирования с разъяснением специализированных (административных, технических, медицинских или др.)

признаков или свойств упоминаемых в законе понятий в статье подвергается сомнению. Включение элементов толкования в тексты законов размывает границу между научным юридическим знанием и практической деятельностью в области законодательства. По мнению автора, практика включения произвольно составленных определений понятий не способствует оптимальному развитию правоприменительной ситуации.

Ключевые слова

правовое понятие; легальная дефиниция; нормативное регулирование; правила формулирования определений; правоприменение; применение правовых норм.

Для цитирования: Юртаева Е.А. Определения понятий в актах российского законодательства: pro et contra // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 3. С. 4–31. DOI:10.17323/2072-8166.2024.3.4.31

Legal Thought: History and Modernity

Research article

Definitions of Concepts in the Acts of the Russian Legislation — Pro et Contra

Evgeniya A. Yurtaeva

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 84 Vernadsky Avenue, Moscow 119571, Russian Federation, yurtaeva-ea@ranepa.ru

Abstract

The article presented review the practice of using definitions of concepts in the texts of legal acts. The author analysis of the popular, but unreasonable practice when are drawn up the lists definitions and included in the acts of Russian legislation as special — often very voluminous — inclusions fully dedicated to the definitions used in one legal act (federal law or other regulatory legal act). These inclusions most often time represent a separate article, and lists of concepts can be supplied with explanations that the proposed concepts are defined for the purposes of this act only (but not all acts which regulate a similar subject), or that the lexical meaning proposed in this article of the law concepts should be considered unless otherwise specified in the text of the act. Meanwhile, the absolute requirement for the formation of legislative regulation in the domestic practice of law-making is that concepts introduced into legislation should serve its entire array, regardless of the branch or thematic affiliation of an act. If the definitions refer to one single act only, then the legislation gets archaic attributes. The author notes that in almost all cases the definitions are very unfortunate: concepts are not logically complete; there are no indications of those of the signs of the concept

being defined that are of significant importance; definitions are characterized by the coincidence of the word being defined and the defining one. The analysis of the federal acts leads to the conclusion that the definitions have a purpose other than the purpose of normative regulation: it is do not formulate rules of behavior, do not create models of legitimate activities. The author questions the correctness of the construction of the regulatory framework with an arbitrary interpretation of the words features. The inclusion of elements of interpretation in the texts of federal laws is blurring the difference between academic knowledge and practical activities in matters of legislation. If the practice of including arbitrary definitions in the texts of federal laws continues, this will have a negative impact on the law-enforcement situation.

Keywords

legal terminology; definition; regulation; rules of the definition; law-enforcement; application of legal norms.

For citation: Yurtaeva E A. (2024) Definition of Concepts in the Acts of the Russian Legislation: pro et contra. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 17, no. 3, pp. 4–31 (in Russ.) DOI:10.17323/2072-8166.2024.3.4.31

Введение

Успешность решения текущих задач социального и экономического развития, как и достижение поставленных государством общезначимых целей, несмотря на активный поиск альтернативных социальных регуляторов, в значительной мере продолжает зависеть от состояния нормативной базы, качества действующего законодательства. Поэтому любая оценка перспектив не будет в должной мере обоснованной, если государственное развитие рассматривать в отрыве от решения правотворческих проблем, встающих в ходе формирования и утверждения органами государства правовых решений.

Среди проблем, нуждающихся в теоретическом осмыслении исходя из состояния правотворческой практики, следует указать на назревшую потребность в однозначной оценке практики включения в нормативные тексты определений понятий (дефиниций).

В современном отечественном правотворчестве распространилась практика, при которой в федеральные законы (в начальную их часть) включается статья под заголовком: «основные понятия», «основные понятия, используемые в настоящем федеральном законе», реже — «основные термины», «основные термины и понятия». Между тем ни по юридическому замыслу (для облегчения усвоения нормативного материала), ни по лексическому исполнению (для правильного обозначения сущности предмета) такие определения понятий, как правило, признать удачными трудно. Дефиниции в ак-

тах законодательства и, более того, множасьее их количество неоправданно увеличивает общий объем законодательства без улучшения его регулятивного воздействия¹.

1. Задачи определений понятий — реальные и мнимые

Как и любые другие правовые нормы, нормы, включающие определения понятий, должны обеспечивать функциональную эффективность правового регулирования, совершенствование правовых отношений в целом. Конечной целью регулирования с использованием определений понятий, как всякого нормативного регулирования, служит корректирующее воздействие на содержание общественных отношений, обеспечение конструктивной реализации урегулированных правом взаимодействий. Бесспорно, нельзя исключать, что в процессе регулирования могут выявляться ситуации, когда правильность юридической формулировки предлагаемого нормативного решения зависит не только от того, какое понятие использовано для создания нормы права, но и от того, как такое понятие должно восприниматься исходя из его сущностного значения, но именно для целей, в интересах и с намерением в последующем его юридически реализовать — т.е. применить.

Сущностная особенность правовых актов выражается в том, что в качестве их адресатов выступают не только специалисты. Чтобы соблюдать и исполнять законы, необходимо понимать их регулятивный смысл, а потому главным не только лингвистическим, но и сущностным требованием к закону служат ясность и доступность его содержания, легкость обнаружения смысла и простота языковых средств, используемых при изложении содержания закона [Пиголкин А.С., 1990: 33]. Поэтому очевидной — и ключевой — задачей при формировании текстов нормативных актов становится выбор средств (как лингвистических, так и юридических), которые позволят обеспечить закону (или иному нормативному акту) содержательную ясность и правоприменительную полезность и при этом не будут создавать дополнительной основы конфликта норм, порождаемых, во-первых, трудностями формулирования нормативного

---

¹ В настоящей статье автор обращается к проблеме включения понятий и их определений в тексты законодательных актов в виде отдельных (чаще всего — довольно объемных) статей, не касаясь вопросов о понятиях вообще или правил их научного определения.

текста, которые объективно проистекают из особенностей передачи юридического должествования языковыми средствами, во-вторых, возникающих как следствие несогласованности правил, сформулированных с применением разных лингвистических приемов — предписывания или дефинирования.

Современная жизнь изобилует явлениями, знания о которых необходимы каждому, а отсутствие знаний способно ставить под угрозу благополучие личности. «Финансовое планирование», «миграция», «инвестиции» — основательные знания об этих предметах могут быть использованы как инструмент индивидуального развития, а отсутствие знаний — создавать риски. Возникают предметы, без знания определяющих свойств которых можно оказаться в затруднительной ситуации («овердрафт» или «акции венчурных предприятий»). Вместе с тем, используя в ежедневном обиходе «феррул» или «эглет», чаще всего мы обходимся без применения этих терминов, что, однако, не мешает пользоваться карандашом с ластиком или завязывать шнурки. Во всех случаях, когда встреченный термин малознаком или непонятен, обращаемся к словарям за расшифровкой понятия, заключенного в данном термине, находим учебные, методические пособия и иную литературу для более детального ознакомления с предметом.

Потребность в выяснении специального смысла понятий, используемых в законодательстве, совсем не так необходима, как кажется составителям отечественных законодательных актов. Надобность в детальном уяснении информации в областях, отличных от права, возникает значительно чаще: проблемы, разрешаемые в повседневной жизни, подчас могут трудными именно с точки зрения незнания либо недостаточного знания о специальном предмете, однако способ пополнения знаний о незнакомом предмете известен — его специальное изучение с привлечением источников вспомогательной информации.

Специфика правового регулирования — в том, что законы и иные правовые акты, воздействуя на действительность, используют огромный пласт понятий: обыденных, специальных, презюмируемых, реальных. В нормативных актах имеются также понятия, которые непосредственно служат регулирующим целям и специально конструируются в законодательстве. Это — правовые понятия. Правовые понятия, подчиняясь общим задачам содержательного насыщения и смыслового конструирования, в правовых актах служат специфическим (юридическим) идентификатором предмета (деяния, явления)

через выражение его признаков и свойств с одной единственной целью — обеспечить потребности правового регулирования. Однако определения, даваемые в начальных статьях текстов современных законов (часто называемые «легальными определениями»²), в большинстве случаев отношения к правовым понятиям не имеют.

Несмотря на очевидную необходимость предварительного выявления сущностного смысла регулирующей нормы, вопрос о понятиях однако не нужно понимать так, что все понятия нуждаются в детализированном объяснении в тексте правового акта и соответственно должны иметь законодательную дефиницию. Определения понятий, которые даются в нормативном акте, должны служить исключительно практическим целям — содействовать юридически точному и содержательно правильному восприятию. Но восприятию не одного только акта, а всего контекстного поля действующего законодательства. Действующее же законодательство со всем его регулирующим инструментарием должно создавать целостную картину правового регулирования, не создавая фрагментированных включений, обслуживающих единственный закон или иной нормативный акт; понятия, вводимые законодательным актом, должны служить целям всего законодательного регулирования, невзирая на предметную или отраслевую принадлежность акта. Исследователи убедительны, говоря о фундаментальной значимости встроенности понятий и категорий, используемых в нормативных актах, в более широкую систему понятий и категорий институциональной или отраслевой значимости [Исаков В.Б., 2007: 175], что порождает и более широкий контекст их должной согласованности и соотносимости — внутри системы законодательства и, даже более того, системы права.

Практика включения определений в тексты нормативных актов стала уже настолько привычной, что их отсутствие считается дефектом. Многие исследователи указывают на очевидно неудачный

---

² Заметим, что выражение «легальное определение» чаще всего используется применительно к определениям понятий, вводимым в статьях под заголовком «основные понятия». Почти не говорят о легальном определении, например, «рабочего времени», хотя в Трудовом кодексе РФ это понятие определяется, но не столько через собственно «определение» (хотя дефиниция тоже присутствует), сколько через указание юридических признаков и подробное их описание в почти десятке статей. То же и другие юридически важные понятия, например, из области гражданского законодательства: убыткам хотя и дано определение, однако не столько через дефиницию, сколько через юридическое определение их состава; «акционерное общество» определяется через основные юридически значимые характеристики (аналогичные примеры в других отраслях законодательства присутствуют в огромном множестве).

опыт в формулировании определений понятий в законах [Апт Л.Ф., Ветров А.Г., 2018: 65–73]; [Гурский Р.А., 2015: 24–29], на то, что для целей правоприменительной практики необходимо знание не характерных признаков того или иного объекта, а юридических закономерностей его использования и защиты. Не меньшее количество ученых тем не менее настаивает, что при наличии у объекта семантического значения должно быть предложено понятие и «в его юридическом значении» [Кроз В.М., Колесова О.Н., 2015: 34].

Порой ученые признают, что даваемые в федеральных законах определения понятий «расплывчаты», что они «не отражают основной сути» определяемого явления и указывают на отсутствие взаимосвязи между понятиями, используемыми в общих и специальных законах. При этом ученые сетуют на отсутствие нормативно (в законодательном или ином нормативном акте) закрепленного «единого юридического определения термина», что, по их мнению, является необходимым для унифицированного толкования³. Очевидно, что речь в таких случаях должна идти не об определении понятий, а о юридическом нормативном представлении того или иного предмета (деяния, явления) для целей правового регулирования.

2. Дефекты дефиниций в действующем законодательстве

Определения понятий, обнаруживаемые в федеральных законах, в большинстве случаев имеют множественные недостатки: понятия определены без указания существенных родовидовых признаков, с логическими ошибками; в законодательных актах присутствует множество излишних, не несущих юридического смысла дефиниций. Нередко определения, имеющиеся в законах, порождают коллизии, порой — ошибки. Например, из закрепленного в одном из федеральных законов определения понятия «охраняемые объекты» следует, что в число охраняемых объектов входят «здания, строения, сооружения... и иное имущество... подлежащие охране в целях предотвращения противоправных посягательств»⁴. Из этого определения вытекает, что все другие объекты, которые данным законом к числу охраняемых не отнесены, охране от противоправных посяга-

---

³ Научно-практический комментарий к Закону РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». 2017 // СПС Гарант.

⁴ Статья 1 Федерального закона от 14.04.1999 № 77-ФЗ «О ведомственной охране» // СЗ РФ. 2022. № 16. Ст. 1935.

тельств не подлежат. Но такой вывод прямо противоречит положению Конституции Российской Федерации о гарантировании государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, включая имущественные права.

Другой пример ошибки не меньшего масштаба. В Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК) включено определение: «Судья — должностное лицо, уполномоченное осуществлять правосудие». Между тем в ст. 118 Конституции закреплено положение: «правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом». По Конституции никакое должностное или иное лицо не может уполномочиваться кем бы то ни было на осуществление суда над кем-либо. В УПК, как видим, это конституционное положение «скорректировано».

Поскольку надлежащая процедура служит процессуально-правовой гарантией защиты и охраны прав и законных интересов, от норм УПК естественным является ожидание предельной ясности смысла норм. Однако формулировки понятийного аппарата в этом законе такой ясности не дают. В и без того объемном тексте УПК есть статья «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе», где приведен их перечень, в значительной части состоящий из общеупотребительных слов, и предлагается их понимание, за которыми, судя по данным им определениям, не предполагалось закрепить специального значения или иного, которое отличалось бы от обычного. Это «алиби», «вердикт», «жилище», «задержание подозреваемого», «контроль телефонных и иных переговоров», «непричастность», «обвинение», «председательствующий», «приговор» и др., в том числе вышеупомянутое слово «судья»: всего 74 определения, включая сравнительно недавно добавленные «педагог» и «имущество»⁵.

Так, по ст. 5 УПК «экспертное учреждение — государственное судебно-экспертное или иное учреждение, которому поручено производство судебной экспертизы в порядке, установленном настоящим Кодексом» (п. 60), т.е. экспертным по правилам уголовного процесса может стать учреждение, которое назначено таковым. В чем тогда

---

⁵ См.: Статья 5 УПК; указанные дополнения внесены статьей 77 Федерального закона от 02.07.2013 № 185-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) в связи с принятием Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3477; и пунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 29.06.2015 № 190-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 3981.

состоит смысл нормативного указания, что необходимо понимать под экспертным учреждением, если таковым может выступать, по сути, любое учреждение? Конституционное право лица не давать показаний против себя названо в УПК «свидетельским иммунитетом» (п. 40). В силу п. 23 «определение — это любое решение... за исключением... кассационного определения», т. е. определением по смыслу п. 23 является любое решение, но не кассационное определение. Вопрос: что же тогда такое кассационное определение? Ответ содержится в той же статье: «определение... кассационной инстанции» — это «судебное решение» (п. 53¹): таким образом, УПК закрепил правило, что не всякое судебное определение — определение, и не любое решение суда — судебное решение.

Из другого закона видно, что «электронное голосование» и «дистанционное электронное голосование» различаются тем, что голосование на них проводится без бюллетеней на бумажном носителе: в первом случае для голосования используются технические средства, во втором — программное обеспечение; при этом электронный бюллетень, «подготовленный программно-техническими средствами в электронном виде» применяется при проведении только электронного голосования⁶. Один из недавних федеральных законов продолжает традицию дефинирования общеупотребительных понятий таких, как «обращение», «хранение», «обработка, переработка», «транспортировка» применительно к «побочным продуктам животноводства»⁷.

В уже упомянутом Федеральном законе «О ведомственной охране», предмет которого можно безошибочно определить по его названию⁸, тем не менее, содержатся определения понятий «ведомственная охрана» (которое и так максимально конкретизировано в Законе как его предмет) и «охрана». Ведомственная охрана, согласно данному в Законе определению, — это «совокупность создаваемых...

---

⁶ См.: п. 62 и 63 ст. 2 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253. Определение понятия «дистанционное электронное голосование» (п. 61.1) введено Федеральным законом от 23.05.2020 № 154-ФЗ «О внесении изменения в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 21. Ст. 3233.

⁷ См.: ст. 2 Федерального закона от 14.07.2022 № 248-ФЗ «О побочных продуктах животноводства и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 29 (часть I). Ст. 5215.

⁸ Предмет федерального закона определяет тематику урегулированных общественных отношений во всей их полноте — состав субъектов, статус, организация и формы деятельности и др.

органов управления, сил и средств, предназначенных для охраны объектов в целях предотвращения противоправных посягательств и выполнения иных задач, возложенных на ведомственную охрану», а «охрана — деятельность по обеспечению состояния защищенности объекта охраны (охраняемого объекта), осуществляемая в целях решения задач, возложенных на ведомственную охрану». Согласно данным определениям, ведомственная охрана — это совокупность органов управления, сил и средств, а охрана — это деятельность. Между тем в содержании Закона ведомственная охрана урегулирована именно как деятельность, которая определенным образом организована, которую осуществляют работники в отношении определенных объектов, используя, в том числе огнестрельное оружие и т.д.⁹ Подобную особенность, когда в законе дается определение понятия, служащего предметом закона, встречаем и в других актах¹⁰. Приведенные примеры извлечены только из нескольких, хотя и социально важных и юридически значимых федеральных законов.

Исключительно малó значение, например, дефиниции упомянувшегося понятия «педагог»: «Педагог — педагогический работник, выполняющий в образовательной организации или организации, осуществляющей обучение, обязанности по обучению и воспитанию обучающихся» (УПК)¹¹. Еще труднее понять замысел авторов таких включений в законодательный текст, где в статье под ставшим обычным заголовком «Основные понятия, используемые в настоящем законе» наряду с определениями понятий приводится набор синонимически совместимых понятий («уполномоченный орган — Центральный банк Российской Федерации (Банк России)», «субъекты

---

⁹ Ст. 1 Федерального закона от 14.04.1999 № 77-ФЗ «О ведомственной охране» (с изменениями, внесенными федеральными законами от 07.10.2022 № 395-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О ведомственной охране»» (пункт 1) и от 04.11.2022 № 427-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (статья 4).

¹⁰ См., напр.: Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 43. Ст. 7265. Первым в ст. 4 Закона определено понятие «нематериальное этнокультурное достояние Российской Федерации».

¹¹ Обратим внимание на то, что в Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» закреплено другое определение. В статье 2 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе» в отношении педагога указаны иные характеристики: «педагогический работник — физическое лицо, которое состоит в трудовых, служебных отношениях с организацией, осуществляющей образовательную деятельность, и выполняет обязанности по обучению, воспитанию обучающихся и (или) организации образовательной деятельности» (п. 21) // СЗ РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598.

актуарной деятельности — актуарий и ответственный актуарий»)¹²; в одном из подготавливаемых в настоящее время законопроектов как равнозначные (взаимозаменяемые) используются семантически различающиеся слова «туристский» и «туристический»¹³.

В другом действующем федеральном законе под «законом» предлагается понимать «федеральный конституционный закон, федеральный закон, закон субъекта Российской Федерации», а под федеральным законом — «федеральный конституционный закон, федеральный закон», исключая тем самым из понимания закона (или федерального закона) действующую разновидность российских законов в виде «закона Российской Федерации»¹⁴. К числу «нормативных правовых актов Российской Федерации» в силу приведенного в другом законе определения этого понятия относятся, помимо нормативных актов федерального уровня, нормативные акты субъектов федерации и муниципальные правовые акты¹⁵.

Еще один пример формулировки, использованной в проекте федерального закона, которая прямо свидетельствует об отсутствии понимания сути правового регулирования, его целей, правоприменительного назначения, — это положение ч. 2 ст. 3 законопроекта (как и в других законах названной «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе»): «Иные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе, применяются в значении, определенном в иных законодательных актах Российской Федерации»¹⁶. Такую отсылку следует признать не только нецелесообразной (как не имеющей цели установить, закрепить или иначе определить параметры правового регулирования), и беспредметной [Брауде И.Л., 2010: 93] (как адресующей к категории, в отношении которой ни наукой, ни практикой не согласовано однозначное понимание, — за-

---

¹² См.: Статья 2 Федерального закона от 02.11.2013 № 293-ФЗ «Об актуарной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 44. Ст. 5632.

¹³ См.: Проект федерального закона «О туризме и туристической деятельности в Российской Федерации» / Федеральный портал проектов нормативных актов. Available at: URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=123892> (дата обращения: 18.11.2023)

¹⁴ См.: п. 17 и 61 ст. 2 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

¹⁵ См.: пп. «в» п. 3 ст. 1 Федерального закона от 25.12.2006 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6228.

¹⁶ См.: Проект федерального закона «О технологической политике». Available at: URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=142132> (дата обращения: 14.01.2024)

конодательный акт), а также лишенной смысла, поскольку значение используемых (в том числе в законах) понятий определяется не законодательными актами, а развитием общественно-исторической практики.

3. Определения понятий и рационализация регулятивной деятельности

Обнаружение отмеченных особенностей в определениях понятий, включая несогласованности и противоречия, объясняется многими причинами. Это и отсутствие представления о правовых понятиях, их значении и месте в правовом регулировании; это и невнимательное или непрофессиональное отношение к логико-содержательным требованиям формулирования определений понятий. Главная причина кроется в том, что длинные перечни понятий и их определения, которые «открывают» тексты большинства современных федеральных законов, не несут регулятивного смысла и не нацелены на их использование в правоприменении.

При распространении определения понятий в законодательных актах общих правил о включении дефиниций в тексты законов не выработано, не достигнута общая «договоренность» о целях таких понятий и их содержательном наполнении. Кажущаяся иногда очевидность в необходимости определений одновременно озадачивает сторонников их включения в законы с точки зрения их возможности. «Безусловно, на уровне федерального закона должны быть закреплены понятия «единая система публичной власти», «публичная власть», «орган публичной власти», «принципы деятельности единой системы публичной власти и т.п.», — в частности, В.А. Зикеев убежден во «всеобщем консенсусе» в этом вопросе. Однако при этом он сам выражает оправданное сомнение в том, что «консенсусно» раскрыть содержание «данных аспектов в законодательстве» будет вряд ли возможно¹⁷. По сути, даже когда есть твердая убежденность в имеющейся необходимости, непременно должен вставать вопрос: как это сделать правильно — без юридических, логических и лингвистических дефектов.

На различные определения одного и того же понятия в законодательстве, на юридические коллизии, порождаемые множественностью определений, или лексическую неопределенность используе-

---

¹⁷ Available at: URL: https://zakon.ru/blog/2020/10/13/svyazannye_odnoj_celyu_o_edinoj_sisteme_publichnoj_vlasti (дата обращения: 12.09.2022)

мых в правовых актах слов и словосочетаний в доктрине указывают часто [Блинова О.В., Белов С.А., 2020: 783–784], обращая внимание на негативные правоприменительные последствия «поверхностного отношения к терминологии в законах» [Пуряева А.С., 2021: 179]. Практика включения в законодательные акты статей, целиком посвященных тому, чтобы под видом дефиниций описать значение произвольного набора слов и словосочетаний, использованных в их текстах, неоправданно распространилась. Вышеприведенные примеры показывают, что определения понятий могут преследовать отнюдь не содержательные, а юридико-технические цели, предназначаться, например, для введения сокращенных обозначений, но это уже несколько иная задача и решаться она должна с применением других средств, а не созданием дефиниций.

Разрешение правотворческой ситуации с включением целых статей с определениями понятий особенно актуально именно сейчас, когда стал нормативно закрепляться безгранично широкий спектр разных понятий и их определений. Отсутствие единообразного понимания цели включения в законодательные акты дефиниций элементарно затрудняет процесс создания (и, конечно, применения) нормативного текста неоправданным увеличением его объема; избыточное насыщение официальных текстов дефинициями (подчас совершенно ненужными) «только усложняет правоуяснение и правоприменение», поэтому «не нужно раскрывать смысл и значение как можно большего числа понятий» [Москалькова Т.Н., Черников В.В., 2022: 286].

Правотворчество избытком определений тоже затрудняется. Например, в законопроекте «О карантине растений» предлагалось расширить понятие «подкарантинной продукции» включением в ее состав дополнительно продукции органического растениеводства, чтобы на этот вид продукции распространить требования карантинного фитосанитарного обеззараживания. По сути, речь шла о дополнении предмета закона включением правил фитосанитарного обеззараживания органической растительной продукции. Однако для введения режима особого контроля для определенного вида продукции потребовалось не только установить этот режим, но и скорректировать определение понятия «подкарантинная продукция» внесением дополнения в статью с определениями, но без последствий для собственно правового регулирования (непосредственное регулирование осуществлено в других статьях)¹⁸.

---

¹⁸ Available at: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/304969-8> (дата обращения: 12.01.2024)

Нельзя не видеть, кроме того, что включение дополнительных не необходимых, но весьма объемных структурных частей в законы дает повод воспринимать их не как действенный инструмент социального регулирования, а как «законодательную массу», «законодательный массив» со всеми вытекающими последствиями¹⁹.

Из приводимого в качестве аргумента в пользу включения нормативных («легальных») определений в правовые акты справедливого утверждения о постоянном усложнении жизни выводят необоснованное заключение о вынужденном насыщении актов специальной терминологией. Этот вывод не может быть принят при сохранении общеправового требования о том, что правовые акты не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения. Всеобщая осведомленность является недостижимой в отношении предметов, требующих специальных знаний или специальной подготовки.

Более того, статутная структура позитивного права в государствах континентальной правовой семьи подразумевает строгую семантизацию языковых средств, используемых в нормативных актах, а применение дополнительных опосредующих текст лингвистических приемов или механизмов создает возможность конфликта норм. То, что термины в пределах отрасли специального знания должны иметь точный смысл, ограничивающий возможности иного их толкования, также не позволяет поддержать практику включения в тексты нормативных актов определений понятий, выражаемых конкретным термином.

На необходимость сдержанности в использовании дефиниций во избежание придания «искусственного» значения словам указывают и зарубежные специалисты [Höfler S., Nussbaumer M., Xanthaki H., 2017: 160]; [Thornton G.C., 1996: 144–154]²⁰. Если в прошлые эпохи (в дореволюционное и советское время) дефинирование понятий в законодательных текстах справедливо считалось неуместным и ошибочным [Синайский В.И., 1911: 21], то в конце прошлого столетия статьи с основными понятиями, использованными в том или

---

¹⁹ Введение в российский юридический лексикон этих выражений приходится как раз на время существенного снижения юридико-регулирующих и лингвистических требований к законодательным текстам — на конец 1990-х гг. и сохраняется поныне из-за, как правило, невостребованных в законодательной процедуре экспертных оценок о необходимой форме предметно-регулирующего содержания федеральных законов.

²⁰ Зарубежные исследователи отмечают, что проблемы текстосложения в законодательстве одинаково значимы независимо от системы права в стране — общего или континентального.

ином законе, встречались уже почти в половине принимавшихся федеральных законов. Сейчас отсутствие таких статей становится редкостью²¹.

При этом и оформление, и содержание таких статей, как правило, не выдерживает критики. Например, включение в разрабатывавшийся в течение нескольких лет законопроект «О развитии Арктической зоны Российской Федерации» определения понятия «Арктическая зона» в предложенном разработчиками виде было воспринято как «неудачная попытка законодательного закрепления общепринятого и общеизвестного географического понятия Арктика», подобная «законодательному закреплению таблицы умножения — для целей настоящего закона $2 \times 2 = 4$ ». При этом оценка и других предлагаемых в законопроекте дефиниций дана весьма жесткая — «неграмотны и с географической, и с юридической, и с политической, и с бюрократической точек зрения»²².

4. Об определениях понятий в отсутствие юридической теории и в условиях дефицита нормотворческого обоснования

Исторически формой любой правовой новации служит договор между двумя или несколькими субъектами; впоследствии он приобретает многостороннюю поддержку и закрепляется правовыми средствами как юридическое правило в нормативном документе. На этапе формирования (согласования) общих «договорных» условий определению значения используемых понятий, применению терминов, естественно, уделяется повышенное внимание. Так, в договорной практике современные субъекты и теперь порой прибегают к определению используемых понятий для исключения (в подавляющем большинстве случаев) конфликтов. То же в современной международной договорной практике, где без конвенционализации используемых понятий и четкого определения вкладывае-

---

²¹ В качестве примера закона, в котором перечни «основных понятий» отсутствуют несмотря на то, что за используемыми в них словами и словосочетаниями закрепляется специальный смысл, можно указать на Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // СЗ РФ. 2022. № 29 (часть II). Ст. 5222.

²² М.А. Жуков — член Совета по Арктике и Антарктике. Об очередном проекте федерального закона «О развитии Арктической зоны Российской Федерации». 01.08.2018. Available at: URL: <http://rareearth.ru/ru/pub/20180313/03767.html> (дата обращения: 01.08.2022)

мых в них смыслов совместное применение общих для государств с различными правовыми системами правовых установок было бы невозможно в принципе. Кроме того, в практике высших судебных инстанций нередки случаи, когда разъяснение судом применяемых норм права требует содержательного разбора терминов, понятий и, как следствие, — их лексической номинации, определения; частные примеры судебной практики высших судов могут быть особенно показательными [Фомин В.Ю., 2023: 389]. Однако во всех этих случаях речь идет о правоприменительной практике или объективной необходимости обеспечения ее единообразия путем выработки согласованной позиции в условиях взаимодействия различных правовых культур, различного правового опыта.

Аргументом слабым, но хотя бы в некоторой степени объясняющим цели снабжения акта «вводной» частью с понятиями и их определениями, служит специфика актов подзаконного характера — ведомственных актов, которые объектом имеют отношения в той или иной области (или отрасли) управления. Такие акты имеют непосредственный исполнительный характер; речь чаще всего идет о путях решения поставленных задач, способах реализации возложенных полномочий. Нормативное значение подобных актов проявляется в их инструктивном характере, и разъяснительные, интерпретационные включения возможны хотя бы затем, чтобы обосновать специфику адресатов этих актов — субъектов, для которых понимание нормативного состава акта сознательно облегчается снижением абстрактности норм и включением казуистических предписаний или норм, по сути интерпретирующих предписания актов более высокой юридической силы.

Если включение ненормативных по юридической сущности положений в инструктивный акт можно признать допустимым, то за регулятором верховной правовой значимости, признаваемым в качестве акта-основы для последующего (подзаконного) правотворчества [Тихомиров Ю.А., 1982: 87], с очевидностью не следует предполагать даже гипотетической возможности снижения степени абстрактности предписываемых законом правил. Абстрактность нормативных предписаний тем выше, чем более высокая позиция определена за актом в иерархии нормативных правовых источников [Пиголкин А.С., 1981: 281].

Отход в законах от право-регулятивной казуистики к нормативным обобщениям — признанное и неоспоримое достоинство современного законодательного текстосложения. Избыточная детализация правового регулирования если и признается допустимой, то

только при снижении его уровня: чем ниже юридическая сила акта, тем более дробными и казуистичными предписаниями акт может снабжаться. Поскольку избыточная детализация осложняет правовую регламентацию увеличением объема, включением дополнительных норм (статей, иных положений, причем как нормативных, так и разъясняющих), созданием громоздких перечислений, фиксированием видовых, а не родовых признаков регулируемого явления; снижение абстрактности приходится считать проявлением низкого уровня юридической техники и даже правовой культуры [Пиголкин А.С., 1981: 280].

Об этой беспорной мысли несколько двойственно высказывался С.С. Алексеев. Обобщая специальные закономерности развития права, автор видел «все большее значение абстрактного способа изложения норм по сравнению с казуистическим, насыщение материи права нормами-дефинициями, нормами-принципами и т.д.» [Алексеев С.С., 1981: 128]. На эту позицию ученого сразу обратили внимание, поскольку «включение в нормативные акты пожеланий, дефиниций, принципов, не переведенных на язык права, не превращенных в нормы права, значительно ослабляет регулируемую силу этих актов» [Халфина Р.О., 1988: 163]. Однако и позднее С.С. Алексеев писал о предстоящем воплощении «нормативности более высокого ранга», «широкого нормативного обобщения»²³, которое он видел, в частности, в том, что такому нормативному обобщению может служить «нормативный материал, выраженный в дефинициях юридических понятий» [Алексеев С.С., 1994: 91]. Дополнительных пояснений в обоснование этой позиции не приводится. Возможно, автор имел в виду дефиниции правовых понятий, которые нередки в кодексах, однако это не «нормы-дефиниции», они являют собой (в лучшем случае) только фрагмент правовой нормы — ее структурную часть, указывающую на условия ее применения. При этом размещение таким образом сформулированного условия действия соответствующей правовой нормы в тексте кодекса вполне согласуется с общей логикой юридического регулирования²⁴.

Потенциальную почву для объяснения причин, по которым признается необходимым включать в нормативные акты определения понятий, можно найти в самой законопроектной деятельности: вне-

---

²³ Автор писал о кодификации, кодифицированных нормативных документах.

²⁴ Например, в Гражданском кодексе России понятийно характеризуются объекты гражданских прав и многие другие юридически регулируемые явления, в Трудовом кодексе даются определения значимых для регулирования трудовых отношений понятий, начиная с трудового договора.

сение законопроектов на рассмотрение парламента сопровождается пакетом документов, в числе которых пояснительная записка, которая, по мнению исследователей теории и практики правотворчества, способна «раскрыть... привлекательные стороны... проекта, показать юридические новеллы» [Исаков В.Б., 2000: 68]. Однако в пояснительных записках к законопроектам, предлагающим предусмотреть статью о понятиях (или внести изменение в действующие законы включением нового или изменением имеющегося определения), убедительного обоснования в подавляющем большинстве случаев не находим²⁵. Если в пояснительной записке и встречается упоминание о вводимых в проект закона определениях понятий, то главным образом только как о факте: законопроект вводит определения понятий. Примеры, когда в пояснительной записке к законопроекту объясняется необходимость определений, единичны и о практической значимости предлагаемых определений не свидетельствуют.

Так, в пояснительной записке к законопроекту о водоснабжении, обосновывается необходимость введения в закон определения понятия «канализование» вместо «водоотведение» как предпочтительного из-за более правильного и детального обозначения им сущностных характеристик соответствующего вида деятельности, осуществляемой организациями водопроводно-канализационного хозяйства²⁶. Кроме того, в записке указывалось, что предлагаемые в законопроекте термины и определения уже применяются в действующих нормативных актах, но «не закреплены на законодательном уровне»; при этом о трудностях правоприменения, проистекающих из отсутствия «закрепления на законодательном уровне», ничего не говорится. Принятый федеральный закон, несмотря на обоснованные в пояснительной записке предпочтения составителей его проекта, имеет название «О водоснабжении и водоотведении», а в ст. 2 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе» определяются «водоотведение», «водоснабжение» и другие понятия (всего было предусмотрено 29 понятий; в настоящее время их в данной статье 34²⁷), но нет определения понятия «канализова-

---

²⁵ Например, многочисленные изменения, вносившиеся в статью 5 УПК (до ноября 2023 г.), в пояснительных записках к соответствующим законопроектам отражены не были.

²⁶ Available at: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/484225-5> (дата обращения: 18.01.2024)

²⁷ См.: Федеральный закон от 07.12.2011 № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» (с изм. на 13.06.2023). Available at: URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152700&ysclid=lsagaybmoa592250025> (дата обращения: 14.01.2024)

ние», которое, по-видимому, в процессе рассмотрения законопроекта утратило детализирующий сущностный смысл. Этот пример демонстрирует отсутствие какого-либо юридического смысла того или иного примененного в законе термина.

Пожалуй, единственным примером, когда были разъяснены и выявленная в правоприменении проблема, и цель включения определенных новых понятий в статью закона, служит пояснительная записка к законопроекту, принятому в конце 2023 г. Подробное изложение сути проблемы в записке объяснено тем, что законопроект не предлагал правовых новелл, кроме дополнения ст. 5 УПК определениями двух новых понятий²⁸. Инициатором законопроекта выступил Верховный Суд Российской Федерации, который в пояснительной записке к законопроекту, в частности, указал, что в Уголовном кодексе Российской Федерации и УПК установлены специальные правила производства по делам субъектов предпринимательской деятельности. В правоприменительной практике есть трудности в разграничении преступлений, совершенных в связи с предпринимательской или иной экономической деятельностью, и преступлений, не связанных с такой деятельностью.

Верховный Суд прямо не утверждает, что трудности в правоприменительной следственной или судебной практике проистекают из отсутствия определений понятий, но говорит об их обусловленности «в том числе правовой неопределенностью, вызванной отсутствием в уголовно-процессуальном законе понятия «преступления, совершенные в связи с предпринимательской или иной экономической деятельностью»». Из данного пояснения не предполагается иного понимания сути необходимого нововведения, как только стремление однозначно определить в интересах расследования преступлений характеристики субъекта (и/или его деяния), позволяющие разграничивать преступные деяния субъекта, которые связаны с его предпринимательской или иной экономической деятельностью, и не имеющие такой связи.

Между тем законопроект не создает дополнительных возможностей того, чтобы на практике было легче устанавливать соответствующие различия между субъектами преступлений, поскольку в предлагаемых определениях изложено лишь общее (обычное, обще-

---

²⁸ См.: Проект федерального закона «О внесении изменения в статью 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, направленного на усиление процессуальных гарантий субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности» / Available at: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/383210-8> (дата обращения: 14.01.2024)

известное) понимание сути предпринимательства и ничего не добавлено для облегчения квалификации различающихся преступных деяний предпринимателей, которые либо связаны, либо не связаны с их предпринимательской деятельностью²⁹. Хотя в пояснительной записке довольно ясно говорится о потребностях и сути необходимых к введению в законодательство понятий, указывается на специальные юридические потребности нововведений, которые могли бы иметь значение для юридической квалификации в процессе правоприменительной практики. Прямая связь между обозначенной в пояснительной записке проблемой и предлагаемым для ее преодоления решением в виде предложенных определений понятий не усматривается.

5. Научные юридические условия формулирования законодательных определений

Доктрина пока не предложила убедительных аргументов в пользу включения определений понятий в каждый принимаемый закон [Москаленко И.В., 2003]; [Чиннова М.В., 2004]. При попытках отнесения дефиниций к «нетипичным» правовым средствам законодательной техники, как будто имеющим признаки нормативности, неизбежно приходят к выводу, что дефиниции не применяются и не приводят к правовым последствиям «сами по себе» [Ушакова Л.Н., 2009: 7]. «Специфическая нормативность» законодательных дефиниций, по мнению исследователей, состоит лишь в том, чтобы придать нормативному акту «повышенную информативность», но как «относительно самостоятельный феномен политико-правовой реальности» дефиниция все-таки требует, по мнению исследователей, «специального изучения учеными-правоведами в системе научно-исследовательских и образовательных учреждений» [Хайретдинова М.Д., 2008: 177].

---

²⁹ Эти понятия: «преступления, совершенные индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, предусмотренные статьями 20, 81¹, 108 и 164 настоящего Кодекса» и «преступления, совершенные членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению данной организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, предусмотренные статьями 20, 81¹, 108 и 164 настоящего Кодекса» были включены как пункты 27¹ и 27² в статью 5 УПК РФ. См.: Федеральный закон от 02.11.2023 № 524-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 45. Ст. 7995.

Отсутствие отчетливого понятия о задачах, о типизации признаков предмета закона для целей его последующего регулирования, об оптимальном объеме понятийного дефинирования в отдельно взятом законе приводит к тому, что без научного обоснования эмпирическим путем устраняется абстрактность законодательных норм — это непреложное правило и завоевание современной теории и научно-обоснованной практики правотворчества, содействующие достижению «наибольшей простоты изложения и легкости усвоения закона» [Брауде И.Л., 2010: 87].

С точки зрения потребностей нормативного регулирования собственно правовых понятий в законодательстве совсем немного: акты законодательства не могут быть непонятными, так как они пишутся «для всех». Во многом поэтому большинство используемых в законах понятий, по емкому выражению В.И. Крусса, являются юридически стерильными. Однако, будучи включенными в текст закона, они приобретают эфемерное реноме «правового понятия», не только не являясь, но и не претендуя на то, чтобы считаться таковыми. Тот же исследователь называет их «квазиправовыми дефинициями» [Крусс В.И., 2007: 199].

Иногда действительно есть законодательная потребность в том, чтобы признаки и свойства предмета (деяния, явления) были «выписаны» с предельной скрупулезностью, которая предполагает его «расчленение» на юридические (только юридические) смыслы и конструкты, например, на состав, комплекс правомочий и т.п., предполагая формирование социальной реальности именно как юридического феномена, имеющего набор юридических признаков, подлежащего всесторонней юридической оценке и влекущего за собой юридические последствия.

Наиболее насыщенным с точки зрения правовых понятий, потребности в них, а также необходимости их максимально четкого и однозначного определения по совершенно понятным причинам является уголовное законодательство. Так, определяя социальный феномен воровства, уголовный закон определяет связанные с ним отдельные понятия, делая их правовыми³⁰ (кража, мелкое хищение, присвоение, грабеж, угон), а определяя феномен лишения жизни, предлагает определения таких правовых понятий, как убийство, не оказание помощи и др. Специально отметим, что фактор «превращения» определения правового понятия в легальную дефиницию через включение ее в закон в данном случае роли не играет: речь идет о том, как понятие становится правовым понятием.

---

³⁰ Делает «правовыми» в том смысле, что формулирует и предлагает их юридическое понимание.

Для наглядности полезно привести еще пример. Даже такое актуальное, социально, экономически и повседневно значимое понятие, как «собственность», приходится признать «юридически стерильным». То есть с правовой точки зрения понятие собственности как материального блага, или как экономического бремени, или как индивидуального обязывания («собственность обязывает») безразлично. В правовом регулировании либо обходятся без упоминания этого понятия вовсе, либо конкретизируют его состав, используя другие, более подходящие для обеспечения смысла в конкретной области правового регулирования понятия (имущество, недвижимость, денежные средства, ценные бумаги, природные ресурсы, результат интеллектуальной деятельности и т.п.). Однако исключительную важность в правовом регулировании имеет правовое понятие «право собственности» как совокупность определенных правомочий лица. Чтобы обеспечить потребности нормативного регулирования, праву собственности как правовому понятию отведено специальное место в отдельном разделе Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК), и предельно полно, четко и ясно объясняется его смысл исключительно средствами юридического атрибутирования, а не лингвистического дефинирования.

Правовые понятия наделены спецификой, отличающей их не только по содержанию, но и по способу формулирования. Если общим правилом лексикологии является то, что качество субъектно-предикатной связи не влияет на лексическое значение соответствующего словосочетания, состоящего из определяемого слова и его определителя, то для правовых понятий это правило применяется с изъятиями. Например, понятие «правовая система» лексически не совпадает с понятием «система права». Точно так же понятие «правовой акт» имеет вполне определенное и однозначно толкуемое значение, логически и лексически нерасчленимое на понятия «правовой» и «акт». Иначе «правовой акт» может быть курьезно понят как «действие (поведение)». Причем как правомерное, так и противоправное» [Затонский В.А., Малько А.В., 2006: 13].

Федеральный закон — не подходящее место для дефиниций: ни для того, чтобы являть, как правило, не самую удачную попытку сообщить нечто о произвольно выбранных предметах, ни для того, чтобы предлагать, как считают некоторые авторы, легальное толкование [Туранин В.Ю., 2006: 45]³¹. Вопреки доктринальному мнению,

³¹ С утверждениями о «познавательной» и «интерпретационной» функциях, «присущих нормативным дефинициям», также вряд ли можно согласиться, поскольку речь идет не о научных или учебно-методических пособиях, а о законодательных нормах.

отсутствие в российском законодательстве дефиниций, определяющих, что такое «ВИЧ-инфекция» или «венерическая болезнь» [Аврутин Ю.Е., 2013: 5–6], — это не дефект, а совершенно правильно. Медицинское, смысловое либо иное значение перечисленных терминов для законодательного регулирования безразлично. С юридической точки зрения любые признаки или свойства, стоящие за этими медицинскими терминами, лишены какого бы то ни было значения. «ВИЧ-инфекция» или «венерическая болезнь» с позиций нормативного регулирования — это указание на факт; этого факта при определенных в законодательстве условиях достаточно для достижения цели правового регулирования, например, включения правоприменительного механизма.

Большинство понятий, которые стали определять в законодательстве, могут функционировать на базе общепринятых определений, содержащихся в квалифицированных научных комментариях, теоретических трудах юристов-ученых, специалистов иных отраслей знаний. Масса же широко распространенных, общеупотребительных понятий совсем не нуждается в законодательных определениях.

К введению в законодательный акт определений нужно подходить крайне рационально. В уже упоминавшийся УПК понятия и их определения были введены без всякой надобности и потому они не приносят пользы правоприменению, тогда как ГК участи быть наделенным специальной статьей «основные понятия» счастливо избежал. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях успешно оперирует понятиями «внештатный сотрудник полиции» или «народный дружинник» и не испытывает необходимости разъяснять смысл этих понятий в отдельной статье, поскольку на практике вопросов о том, что это такое, нет (в то время как Федеральный закон «Об участии граждан в охране общественного порядка» перед этим соблазном не устоял)³².

Учитывая телеологические и функциональные закономерности создания и применения российских законов, признаваемый общим характер включаемых в закон норм, позиционируя правоприменительную практику как область юридической деятельности, где действуют правила применения нормы, приемы ее толкования и т.п., довольно трудно объяснить появление идеи включения в законы отдельных статей с определениями понятий в виде перечней, часто многостраничных и всегда целиком посвященных изложению лексического значения того или иного слова, причем — как показано на

---

³² Федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» // СЗ РФ. 2014. № 14. Ст. 1536.

примерах — через указание не дифференцирующих (с учетом правовых потребностей) особенностей понимания предмета, а через их элементарные семантические свойства³³. Еще М.В. Ломоносов точно разделял цели правового исследования и законодательства и был убежден, что законодательный акт — не учебник права и не имеет цели правового просвещения [Ломоносов М.В., 1957: 149]. В середине XIX в. исследователь истории права Н.В. Калачов писал, что «следует бояться посползновения к определениям», как боялись их даже римляне, не имевшие недостатка в четких юридических формулировках, обосновывая простую мысль: «читателю неприготовленному определение само по себе не объяснит сущности предмета, а читатель, знакомый с делом, не удовлетворится немногим и неполным» [Калачов Н.В., 1859: 47–48].

Заключение

Понятия и их дефиниции (определения, даваемые этим понятиям), которые включают в нормативные акты без предварительной оценки необходимости такого включения, далеко не всегда нужны. Включение в текст федерального закона или иного нормативного акта определений понятий должно быть подчинено интересам формулирования точного и непротиворечивого нормативного правила, обеспечения должного применения норм правового акта. Кроме того, при составлении нормативных актов упускают из виду, что дефиниции являются разновидностью научного текста, важным и весьма непростым элементом его содержательной структуры, поэтому включение в законодательные акты научных текстов по меньшей мере должно всякий раз убедительно обосновываться. Вряд ли к такому концептуальному лингвистическому ресурсу, составляющему типологическую разновидность научного текста, каковым являются дефиниции, следует прибегать, если им уготовано место исключительно оформительского элемента в тексте акта. Метатексту в федеральном законе трудно найти рациональное объяснение.

---

³³ Включение статей с определениями дефиниций не может быть объяснено и законодательной практикой государств, в которых статутное право исторически складывалось на основе обобщения и унификации правил, первоначально возникших в общем праве. В принимаемых статутах при необходимости увязать новую норму с содержанием, зависимым от юридического смысла понятия из ранее юридически урегулированного правила, включают отсылку к соответствующему акту, а в случаях, когда предметом статута выступает новый объект общественных отношений, как правило, включают в текст толковательное пояснение, позволяющее отграничить его от нормативных положений («Interpretation»).

Тем более не следует допускать, чтобы произвольно выбранные понятия и их ошибочно формулируемые определения являли собой своеобразное «введение» к федеральному закону. Это совершенно излишне для подобного рода официальных текстов. Определение понятия не является и не может являться регулирующим инструментом, оно не может выступать правилом, регулятором либо чем-то иным, что составляет норму права. Оно может являться только отдельной частью общего контекста регулирующей системы, причем той его частью, которая не включена в ее нормативный арсенал [Лунева Е.В., 2019: 39–44].

Автор авторитетного издания о проблемах разработки законодательных актов Гарт Торнтон отмечает: «Определение в законодательстве является только тогда полезным, когда оно действительно необходимо для целей, обуславливающих и объединяющих законодательство... Определение, которое вмещает в понятие полностью вынужденное и искусственное значение, является плохим определением» [Thornton G.C., 1996: 145]. Определения понятий должны сущностно вписываться в общую композицию правового регулирования, связно и последовательно встраиваться и составлять органическое единство с содержательным и логико-структурным замыслом общего нормативного контекста, всего объема правового регулирования. Законодательные дефиниции нужно включать в федеральный закон когда и если они продиктованы целями законодательного регулирования, а размещать их нужно в той части закона, в которой их положение будет отвечать нормативной логике текста.

Список источников

1. Аврутин Ю.Е. К вопросу о понятиях и дефинициях в административно-правовой теории и практике // Административное право и процесс. 2013. № 9. С. 4–8.
2. Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. 360 с.
3. Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1994. 224 с.
4. Апт Л.Ф., Ветров А.Г. Основные черты понятийного аппарата информационного законодательства // Правовая информатика. 2018. № 2. С. 65–73.
5. Блинова О.В., Белов С.А. Языковая неоднозначность и неопределенность в русских правовых текстах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. № 4. С. 774–812.
6. Брауде И.Л. Избранное: Очерки законодательной техники. Некоторые вопросы системы советского права. М.: Норма, 2010. 159 с.
7. Гурский Р.А. Легальная дефиниция «земельный участок» в контексте земельно-имущественных правоотношений // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2015. № 1–2. С. 24–29.

8. Затонский В.А., Малько А.В. «Правовая жизнь» и «правовая система»: соотношение понятий // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 2. С. 6–20.
9. Исаков В.Б. Приемы юридической техники на начальных стадиях законодательного процесса // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 172–178.
10. Исаков В.Б. Стадии подготовки проектов законов / Законодательная техника. М.: Городец, 2000. С. 59–77.
11. Калачов Н.В. Рецензия на Юридический словарь. Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб.: типография II отделения Е.И.В. канцелярии, 1859. Кн. 2. С. 40–56.
12. Краснов М.А. Законодательные дефиниции не всегда полезны // Российская юстиция. 2003. № 2. С. 51–52.
13. Кроз В.М., Колесова О.Н. «Земля» и «земельный участок» как объекты правоотношений // Вопросы экономики и права. 2015. № 1. С. 31–36.
14. Крусс В.И. Конституционная топология и дефинитивная трансгрессия правовых смыслов: теория и практика / Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы международного круглого стола / под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород: Юридическая техника, 2007. С. 199–223.
16. Лунева Е.В. Синонимы в юридических текстах, их смысловая нагрузка и значение в правоприменении // Юридическое образование и наука. 2019. № 4. С. 39–44.
15. Ломоносов М.В. Новое примерное расположение и учреждение Санкт-Петербургской императорской академии наук... / Полн. собр. соч. Т. 10. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 138–160.
17. Москаленко И.В. Гражданско-правовые дефиниции (методологический аспект): автореф. дис ...к. ю. н. М., 2003. 25 с.
18. Москалькова Т.Н., Черников В.В. Нормотворчество: научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2022. 448 с.
19. Пиголкин А.С. Законодательная техника и правотворчество / Научные основы советского правотворчества. М.: Наука, 1981. С. 254–315.
20. Пиголкин А.С. Оформление законопроектов (законодательная техника) / Как готовить законы: научно-практическое пособие. М.: Известия, 1990. С. 31–59.
21. Пуряева А.С. Проблемы определения понятия «лес» в законодательстве РФ // Российский юридический журнал. 2011. № 5. С. 179–185.
22. Синайский В.И. Необходимо ли нам спешить с изданием Гражданского уложения и можем ли мы создать его в настоящее время? Варшава: Типография Варшавского учебного округа. № 3, 1911. 29 с.
23. Тихомиров Ю.А. Теория закона. М.: Наука, 1982. 257 с.
24. Туранин В.Ю. Сущность и значение дефиниции в современном законодательном тексте // Современное право. 2006. № 5. С. 43–48.
25. Ушакова Л.Н. Дефиниция как нетипичное правовое средство законодательной техники: дис. ...к. ю. н. СПб., 2009. 196 с.
26. Фомин В.Ю. Унификация терминологии как направление законодательно-совершенствования обеспечительных мер // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 388–391.
27. Хайретдинова М.Д. Законодательная дефиниция: проблемы теории и практики: дис. ...к. ю. н. Н. Новгород, 2008. 189 с.

28. Халфина Р.О. Право как средство социального управления. М.: Наука, 1988. 256 с.
29. Чиннова М.В. Дефиниции и их использование в нормативно-правовых актах: автореф. ... к. ю. н. М., 2004. 24 с.
30. Höfler S., Nussbaumer M., Xanthaki H. Legislative Drafting. In: U. Karpen, H. Xanthaki (eds.) *Legislations of Europe*. London: Bloomsbury, 2017, pp. 145–164.
31. Thornton G.C. *Legislative Drafting*. 4th ed. London: Bloomsbury, 1996. 447 p.

References

1. Alekseev S.S. (1981) *General theory of law*. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 360 p. (in Russ.)
2. Alekseev S.S. (1994) *Theory of law*. Moscow: BEK, 224 p. (in Russ.)
3. Apt L.F., Vetrov A.G. (2018) The conceptual framework of information legislation. *Pravovaia informatika=Legal Informatics*, no. 2, pp. 65–73 (in Russ.)
4. Avrutin Yu.E. (2013) Concepts and definitions in administrative law doctrine and practice. *Administrativnoe pravo i protsess=Administrative Law and pProcess*, no. 9, pp. 4–8 (in Russ.)
5. Blinova O.V., Belov S.A. (2020). Linguistic ambiguity and uncertainty in Russian legal texts. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo=Bulletin of Saint Petersburg University. Law*, no. 4, pp. 774–812 (in Russ.)
6. Braude I.L. (2010) Essays on legislative technology. Issues of the Soviet law system. Moscow: Norma, 159 p. (in Russ.)
7. Chinnova M.V. (2004) Definitions and their use in legal acts: Candidate of Juridical Sciences Summary. Moscow, 24 p. (in Russ.)
8. Fomin V. Yu. (2023) Unification of terminology as a direction of legislative improvement of interim measures. *Juridicheskaya tekhnika=Legal Technology*, no. 17, pp. 388–391 (in Russ.)
9. Gurskiy R.A. (2015) Legal definition of land in context of land and property relations. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii=Bulletin of Samara Humanitarian Academy*, no. 1–2, pp. 24–29 (in Russ.)
10. Halfina R.O. (1988) *Law as a means of social management*. Moscow: Nauka, 256 p. (in Russ.)
11. Höfler S., Nussbaumer M., Xanthaki H. (2017) Legislative drafting. In: U. Karpen, H. Xanthaki (eds.) *Legislation of Europe*. London: Bloomsbury, 320 p.
12. Isakov V.B. (2007) Receptions of legal technology at initial stages of legislative process. *Juridicheskaya tekhnika=Legal Technology*, no. 1, pp. 172–178 (in Russ.)
13. Isakov V.B. (2000) Stages of drafting. In: *The Legislative Technology*. Moscow: Gorodets, pp. 59–77 (in Russ.)
14. Kalachov N.V. (1859) Review of legal dictionary. In: *Archive of historical and practical information relating to Russia*. Saint Petersburg: University, pp. 40–56 (in Russ.)
15. Khairtdinova M.D. (2008) The legal definition: theory and practice. Candidate of Juridical Sciences Thesis. Nizhnii Novgorod, 189 p. (In Russian)
16. Krasnov M. (2003) Legislative definitions are not always useful. *Rossiiskaia iustitsiia=Russian Justice*, no. 2, pp. 51–52 (in Russ.)
17. Kroz V.M., Kolesova O.N. (2015) Earth and land as an object of relationship. *Vo-prosy ekonomiki i prava=Issues of Economy and Law*, no. 1, pp. 31–36 (in Russ.)

18. Kruss V.I. (2007) Constitutional topology and definitive transgression of legal meanings: theory and practice. Legislative definition: logical-epistemological, political-legal, moral-psychological and practical aspects: papers of international round table. Nizhnii Novgorod: Juridicheskaya tekhnika, pp. 199–223 (in Russ.)
19. Lomonosov M.V. (1957) New location and establishment of the Saint Petersburg Imperial Academy of Sciences. In: Complete works. Vol. 10. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, pp. 138–160 (in Russ.)
20. Luneva E.V. (2019) Synonyms in legal texts, their semantic load and significance in law enforcement. *Juridicheskoe obrazovanie i nauka*=Legal Education and Science, no. 4, pp. 39–44 (in Russ.)
21. Moskalenko I.V. (2003) Civil legal definitions (methodological aspect): Candidate of Juridical Sciences Summary. Moscow, 25 p. (in Russ.)
22. Moskalkova T.N., Chernikov V.V. (2022) Lawmaking: a manual. Moscow: Prospect, 448 p. (in Russ.)
23. Pigolkin A.S. (1981) Legislative technique and legal creation. Theory foundations of Soviet lawmaking. Moscow: Nauka, pp. 254–315 (in Russ.)
24. Pigolkin A.S. (1990) Formalization of bills (lawmaking technique). How to prepare laws: a manual. Moscow: Izvestia, pp. 31–59 (in Russ.)
25. Puryaeva A.S. (2011) Forming concept of forest in the Russian Federation legislation. *Rossiyskiy juridicheskii zhurnal*=Russian Law Journal, no. 5, pp. 179–185 (in Russ.)
26. Sinaiskii V.I. (1911) Do we need to hurry with the publication of the Civil Code and can we create it now? Warsaw: University, 29 p. (in Russ.)
27. Thornton G.C. (1996) *Legislative drafting*. 4th ed. London: Bloomsbury, 447 p.
28. Tikhomirov Yu.A. (1982) *Theory of law*. Moscow: Nauka, 257 p. (in Russ.)
29. Turanin V.Ju. (2006) Essence and meaning of definition in the modern legal text. *Sovremennoe pravo*=Modern Law, no. 5, pp. 43–48 (in Russ.)
30. Ushakova L.N. (2009) Definition as an atypical means of legislative techniques: Candidate of Juridical Sciences Thesis. Saint Petersburg, 196 p. (in Russ.)
31. Zatonskiy V.A., Mal'ko A.V. (2006) Legal life and legal system: correlation of concepts. *Pravovaia politika i pravovaia zhizn'*=Law Politics and Life, no. 2, pp. 6–20 (in Russ.)

Информация об авторе:

Е.А. Юртаева — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

E.A. Yurtaeva — Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor.

Статья поступила в редакцию 29.01.2023; одобрена после рецензирования 02.03.2024; принята к публикации 11.04.2024.

The article was submitted to editorial office 29.01.2023; approved after reviewing 02.03.2024; accepted for publication 11.04.2024.